

Соседи

Жаклин де Гё

Молодой инженер Александр Диттель приехал в Москву в начале марта 1926 года. Казанский вокзал ошеломил его величиною зала, шумом, сутолокой. Граждане торопились во все стороны с узлами и чемоданами. Заполoshная баба с внушительным задом истошно орала: «Митя-я-я! Митя-я-я-я! Да ихе ж ты, ирод, шоб ты сдох!» Носильщик в длинном холщовом переднике чуть не сбил зазевавшегося провинциала с ног своей тележкой, равнодушно выкрикнув положенное «побереги-и-ись!». Диттель еле успел отскочить в сторону. Никто ни на кого не обращал внимания. Сразу почувствовалось насмешливое пренебрежение огромного города к приезжему нестоличному человеку.

Обогнув стоящую у самой двери живописную группу то ли хивинцев, то ли бухарцев, Диттель вышел на Каланчевскую площадь. Оттепельный ветер пах паровозным дымом и жареными пирожками. Бодро звенели трамваи. Над стоящим напротив Северным вокзалом висело облако таких очертаний, что сконфузился бы даже Рубенс. Цыганка с бубном заступила инженеру дорогу, засверкала глазами и зубами: «Ай, молодой, красивый, неженатый, позолоти ручку, всю правду скажу!» Диттель шархнул в сторону, крепче ухватил чемодан и почти бегом пустился по заплыванной мостовой к ближайшему извозчику.

В большом здании на Чистопрудном никто не знал толком, куда приезжий спец должен идти и в какой кабинет обращаться. Он скитался по этажам и коридорам чуть ли не час, пока не набрел наконец на нужный отдел. Полный мужчина в косоворотке, едва взглянув на поданный ему документ, тут же набросился с упреками:

— Что же вы, дорогой товарищ, так задержались! У меня разнарядка на вас уже три дня лежит! Вас на службе ждут!

Инженер начал сбивчиво объяснять причины задержки, но тут на столе задребезжал телефон. Схватив трубку, полный ловко подsunул ее под ухо и зажал плечом:

— Да, я слушаю! А, легок на помине — только что с Пал Иванычем о тебе говорили! Ну, что? — Руки его при этом проворно перебрали лежавшие в папке на столе бумаги и выхватили из стопки длинный лист казенного вида. Почти не глядя, полный чиркнул подпись, приложил печать и протянул лист Диттелю, указывая при этом другою рукою на дверь и продолжая говорить. — Что значит «без всяких оснований», если ему ответили, что штат укомплектован?!

Слегка потерявшись, Диттель спросил, разглядывая бумагу:

— И куда мне с этим теперь?

Полный на секунду прикрыл трубку ладонью, бросил раздраженно:

— В жилфонд! — И снова занялся собеседником. — Что?! Да не мог Духновский такого сказать! Его газетой не испугаешь, он сам фельетоны пишет!

Диттель вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Дом, в который его направили из жилфонда, выглядел внушительно и солидно. Подъезд все еще хранил следы старорежимного барского лоска — лестница с витыми

ФАНТАСТИКА

перилами, высокие потолки. Пахло, впрочем, совершенно по-пролетарски — кислыми щами, подгоревшей кашей, бельевым щелоком и сапожной ваксой. «Ай да дом, — думал Диттель, поднимаясь по грязноватым мраморным ступеням и оглядывая стены, украшенные поверху лепными гирляндами с лентами и купидонами. — Серьезный дом...»

Председатель жилтоварищества, плотный невысокий человек лет тридцати, с розовыми, как у молочного поросенка, щеками и вполне подходящими к ним белесыми бровями и ресницами, внимательно изучил документы приезжего и полученный в жилфонде ордер.

— Из Пензы, значит... А вы, товарищ, партийный? — спросил он вдруг.

— Нет, — настороженно ответил Диттель и на всякий случай добавил: — Пока.

Председатель положил ордер на стол, побарабанил пальцами.

— Однако... Где я должен брать свободную площадь?

Инженер ощутил некоторое волнение.

— Но ведь комната мне положена как специалисту. Там же написано... — Он вспомнил только что виденные мраморные ступени, полированные перила, купидонов с гирляндами и добавил как можно тверже: — Я буду жаловаться.

Председатель, сощурился и без того маленькие, цвета бутылочного стекла глазки, внимательно осмотрел стоявшего перед ним человека. Диттель выдержал взгляд. Самый главный в доме жилтоварищ снова покосился на бумагу, вздохнул, сказал неодобрительно:

— Да, не та нынче молодежь. Мы, помнится, идеалами дышали, жизни за революцию не жалели. А нынешние только права свои знают и чуть что — сразу жаловаться... Будет вам комната.

На четвертом этаже на нужной инженеру двери висела начищенная медная табличка: «Присяжный поверенный Д.В. Тихонов», а над ней — криво приколотый кусок картона с крупной чернильной надписью: «К Пустоцветовой звонить два раза!!!»

Где-то в недрах квартиры патефон наигрывал фокстрот. Диттель нажал на кнопку звонка. В квартире что-то упало, громыхнуло и затихло. Музыка продолжала играть. Диттель подождал, но больше так ничего и не произошло. Тогда он позвонил дважды.

Мелодия резко оборвалась. Послышались быстрые шаркающие шаги, придушенный кошачий вопль и женский крик: «Да брысь же ты!» После чего дверь наконец открылась, и Диттель увидел перед собой девушку весьма яркой наружности — густые всклокоченные красно-рыжие кудри, наведенный помадой наглый рот, удлиненные карандашом распутные глаза. Девушка упорно пыталась запахнуть на пышном теле расшитый журавлями и пагодами шелковый халат, а тот, наоборот, все норовил распахнуться. Не прекращая борьбы с халатом, девушка осмотрела незнакомца так же оценивающе, как давеча председатель, и спросила с усмешкой:

— Вы, гражданин, вообще к кому?

Диттель, слегка ослепленный, не нашел ничего лучше, как сразу брякнуть:

— Из жилтоварищества направили. Ваш новый сосед. Вот ордер.

Девушка сделала попытку захлопнуть дверь, но инженер успел метнуться вперед и не дал ей этого сделать.

— Пустите дверь! Я закричу! — шипела девушка.

— Кричите, — пыхтел молодой специалист, медленно отходя от нее в прихожую. — Имею право. Ордер — это, между прочим, документ!

Нащупав точку опоры, он уперся ногой в косяк и сделал последний отчаянный рывок. Девушка не устояла на ногах и повалилась на почти скрытую под всякою рухлядью вешалку. Халат ее при этом совершенно распахнулся. Инженер поспешно отвел глаза.

— Что здесь происходит, Адель? — послышался сзади густой и звонкий, прямо-таки оперный бас, от звуков которого с вешалки упала шляпа-котелок. Откуда-то немедленно выскочил серый кот и яростно погнался вдоль коридора. Девушка Адель резко выпрямилась.

Диттель обернулся к обладателю прекрасного баса и оторопел от неожиданности. В дверях стояла очень старая, очень величественная и очень худая дама. В облике ее преобладали вертикальные линии — длинные морщины вдоль впалых щек, свисавшая с плеча до самого пояса горжетка с унылой лисьей мордой, сильно зауженное к низу платье до пят и тонкая мужская трость.

— Нас уплотнили! — трагическим голосом провозгласила девушка и добавила чрезвычайно выразительно. — Подлец!

— Позвольте! — запротестовал задетый за живое Диттель. — Зачем же сразу подлец?! Вы ведь меня даже не знаете! Я вполне еще могу оказаться порядочным человеком!

Девушка вместо ответа негодуя всхлинула, груди ее при этом бодро подпрыгнули чуть ли не к подбородку, и унеслась по коридору вслед за котом.

— Это она не о вас, — туманно объяснила дама, разглядывая Диттеля в лорнет. — Позвольте представиться: Клотильда Георгиевна Тихонова, вдова присяжного поверенного Дмитрия Васильевича Тихонова. С кем имею честь?

— Диттель Александр Карлович, — представился в ответ подселенец. — Инженер.

— Ну, вот и славно, — невозмутимо кивнула старуха. — Инженер это славно. Могло быть и хуже. В семнадцатую квартиру вон недавно скорняка подселили. Теперь каждый божий день с утра до ночи граждане с заказами приходят, а в ванной комнате шкурки развешаны, причем прислуга из номера пять уверяет, что он их дубит в женской моче и якобы даже скупает ее у местных пролетарок по копейке за осьмуху. Да вы проходите, Александр Карлович, что же на пороге-то стоять. У вас мебель есть какая-нибудь?

— Нет, — ответил Диттель, чувствуя себя довольно глупо. — Я только этим утром приехал из Пензы.

— Из Пензы, — задумчиво прогудела дама. — Скажите на милость. Ни разу там не бывала. Что ж, раз мебели пока нет, тогда я вас в кабинете покойного мужа на диване устрою. Хотите чаю?

Старуха оказалась особой умной, насмешливой, иногда язвительной, но вовсе не злой. Через неделю Диттель разобрался, что уплотняться должна была не она, а пышнотелая дева Пустоцветова. Но та упорно отказывалась освободить для нового жильца одну из занимаемых ею комнат, презрительно фыркала и, наконец, издевательски

посоветовала сообщить председателю. Усмешка у нее при этом была самая мефистофельская.

— Черт знает что, — пожаловался в тот же вечер инженер старухе. — Ну не драться же мне с ней. Все-таки дама. Но и вас стеснять тоже дальше не годится.

Клотильда Георгиевна, не выпуская из прокуренных зубов мундштука и не отрывая глаз от пасьянса, пробасила небрежно:

— Да вы бы поговорили, в самом деле, с Тютякиным. Его пассив, пусть сам и разбирается.

— Пассив?

— Бывшая, голубчик, бывшая. Это ведь он ей помог в этот дом вселиться. А потом что-то у них там произошло, любовь разладилась, и он сюда больше не ходит. Так что поговорите. Хуже не будет.

Подумав, Диттель и в самом деле позвонил Тютякину со службы. Председатель жилтоварищества долго сопел в трубку, потом неохотно пообещал «утрасти». Помня усмешку Адели, инженер не очень-то рассчитывал на его помощь. Однако вечером комната действительно оказалась свободной. На пыльном полу, на месте стоявшей раньше мебели, темнели чистые прямоугольники. С подоконника изумленно тарачился кот. За стеной истерически рыдала Адель, патефон наяривал шимми.

Можно было начинать обживать на новом месте по настоящему.

Утром в воскресенье Диттель проснулся, когда на часах стрелки показывали всего лишь без четверти восемь. Во дворе вразной голосили молочница, лудильщик и зеленщик, за стеной Адель орала на перевернувшего пудреницу кота, в дверь негромко, но настойчиво стучали.

Инженер вскочил, наспех натянул брюки и распахнул дверь.

— Доброе утро, — невозмутимо произнесла старуха. — А у меня к вам, Александр Карлович, просьба. Не взглянете ли на машинку, что когда-то муж мой покойный в дом принес? Вы ведь в этом разбираетесь.

— Да-да, конечно. Где она? В ваших комнатах?

— Нет, я ее на дворе, в сарае держу.

«Машинка» оказалась не похожа ни на один виденный до этого инженером механизм. Он осмотрел ее со всех сторон, но так и не смог определить, для чего могла бы быть предназначена эта штука. Наконец решил не ломать больше голову и спросить саму Тихонову.

— Не знаю, — флегматично пробасила та. — Она к нам случайно попала. Муж как-то выступал поверенным в тяжбе о наследстве. Тяжбу-то его сторона выиграла, только вот наследство оказалось копеечным, даже на оплату издержек не хватило. Он у наследников из имущества и взыскал. А в девятнадцатом году во время обыска солдатик сдуру ткнул штыком вот сюда, в самую сердцевину. С тех пор и не работает.

— В девятнадцатом, значит... — кивнул Диттель, сосредоточенно вглядываясь в повреждение. — А что искали-то, золото?

— Нет, голубчик, золото еще за год до этого забрали, сразу после октябрьского переворота. А в ту осень господа товарищи шпионов денкинских ловить изволили, — хмуро и неохотно пояснила старуха и тут же свернула разговор на прежнюю тему. — Как полагаете, Александр Карлович, можно это починить, чтобы снова ток по проводам побежал да вот это вот колесико закрутилось? Возьметесь наладить? Я бы вам так была благодарна, так благодарна — сами понимаете, вещь хоть и бесполезная, а все же память о муже... — Тихонова говорила и смотрела с таким наигранным

простодушием, что Диттель понял — вся история о тяжбе чистой выдумка, но правды старуха все равно не скажет. И прекратил расспросы.

— Постараюсь, Клотильда Георгиевна.

Через четыре часа непонятный механизм ожил: колесико крутилось, по проводам исправно бежал ток. Однако смысл и цель работы странного устройства оставались по-прежнему загадкой. Диттель выключил «машинку», запер сарай и отправился домой обрадовать соседку.

Раскаты скандала обрушились на него сразу, как только он вошел в парадное. Визг, крики и вопли неслись сверху и гремели в лестничных пролетах, десятикратно усиленные эхом. На площадке первого этажа стояла, задрав голову, неумытого вида баба с поварешкой в руках и слушала чужую перебранку с тем выражением сугубого эстетического наслаждения, с каким ценитель слушает увертюру в Миланском оперном театре. Инженер, глядя на нее, тоже замедлил шаг, прислушался — и ему показалось, что в мешанине звуков отчетливо прозвучало истеричное контральто Пустоцветовой.

Добравшись до квартиры, инженер увидел на площадке не только свою соседку, но и председателя жилищного товарищества Тютякина, на которого насканивал незнакомый человек, ужасно похожий на жившего у Диттеля в детстве галчонка — такой же маленький, чернявый, взъерошенный, худой и хриплый.

— Это устаревший, собственнический взгляд на женщину! Вы, товарищ, постыдились бы высказывать такое перед лицом! И воздержались бы в дальнейшем, да-да! Отрывка феодализма!

— Вот уж именно что воздержались бы, — возразил Тютякин. — Сначала надо разъяснить, кто вы сами такой и какого чорта приперлись на подведомственную нашему товариществу жилую площадь. А то если каждый начнет отрывками ругаться...

— Негодяй! — пронзительно выкрикнула вдруг Адель. — Подлец!

— Ду-у-уня! — укоризненно выдохнул Тютякин, немедленно отводя взгляд от чернявого и устремляя его на бывшую зазнобу. — Ну чем же я тебе негодяй? Я же не с глупостями, я хоть сейчас расписаться! А за то, что было раньше, Дунь, не надо зла держать. Погорячился, с кем не бывает...

— Погорячился?! — Пустоцветова натужно расхохоталась. — Ах-х-х ах-ха! Нет, вы слышали! Он погорячился! А кто у меня патефон с этажеркой забрать хотел? Кто коровой ревнивой ругался? Кто склянку духов на кота вылил? — Тут она заметила Диттеля, набрала в грудь побольше воздуха и заголосила так, что в парадном задребезжали оконные стекла. — Кто ко-о-о-омнату отнял?! — И вдруг резко оборвала крик и сказала почти спокойно. — Нет уж. Расписывайтесь со своими зубными техниками. Она же красавица, слов нет, только на птичьем рынке и выставлять — куриная шея, воронья нога. Как раз вам в пару. А мы больше не нуждаемся. У нас и без вас найдется, с кем расписаться. — Она резко повернулась, схватила свою тщедушную добычу за локоть, втолкнула в квартиру и захлопнула за собой дверь.

Тютякин снял фуражку, вытер вспотевший лоб и сказал, обращаясь к голозадому лепному купидону: «Ну и что, что зубной техник? Чем плохо? Приличная женщина, трудящаяся, не нэпманша какая-нибудь. А кот ваш, между прочим, вообще приبلудный. Да и ухажеры ничем не лучше». — И, неодобрительно взглянув на инженера, меланхолично затопал вниз по лестнице.

Старуха встретила новость о починке механизма с признательностью и подарила Диттелю за труды коробку с

книгами. Книжки оказались редкими — справочники и монографии по физике и механике, а также несколько сочинений известных оккультистов о переселении душ. Диттель неожиданному подарку очень обрадовался, хотя ему и показалось странным, что покойный присяжный поверенный изучал на досуге столь далекие от его профессии труды.

На следующий вечер инженер после работы отправился в кино и домой возвращался поздно. Проходя по двору, заметил пробивавшийся из сарая свет. Посмотрел вверх, на окна своей квартиры — у Тихоновой было темно. Подошел поближе к сараю, прислушался. За дверью знакомый бас говорил необычно тихо, почти шепотом:

— Видишь? То-то же. Потерпи еще немного. Немного осталось.

«С кем это она?» — удивленно подумал Диттель.

Подслушивать дальше было неловко — во дворе в любую минуту мог появиться кто-нибудь из жильцов. Диттель поспешил домой и стал, не зажигая света, следить за сараем из-за портьера. Ждать пришлось недолго. Минут через десять дверь сарая приоткрылась, оттуда вышмыгнул кот и быстро юркнул за помойный бак. Чуть погодя вышла и Клотильда Георгиевна, аккуратно задвинула засов и не торопясь направилась к парадному.

— Фу ты, — пробормотал инженер, немедленно теряя интерес к подслушанному разговору. — А я-то думал...

В прихожей загремел замок, хлопнула входная дверь, и Клотильда Георгиевна размеренной походкой прошла в кухню.

За стеной заворочались, зазвенели пружинами кровати, послышался недовольный голос Адели: «Вот же черти носят... то один, то вторая... Послал бог соседей. Ни днем, ни ночью покоя нет». — «Цветочек мой, не расстраивайтесь, — хрипло зашептал другой голос, мужской, в котором Диттель сразу узнал чернявого поклонника Адели. — Как только мы распишемся, этому безобразию сразу же придет конец. Это говорю вам я, Владилена Прогрессов!»

«Вот так так! — с изумлением подумал Диттель. — Он уже тут с ней! Так и правда скоро переедет. До чего же пронирующий мозгляк!»

«Да надо бы их на место-то поставить, — зевая, согласилась Адель. — Совсем обнаглели. Особенно старуха. Одна три комнаты занимает. Буржуйская вдова, бело-гвардейская мать, а форсу, как у жены наркома. Контра недобитая».

Примерно через неделю старуха снова постучала в дверь комнаты Диттеля.

— Александр Карлович, вы дома? Надо бы машинку мою со двора в квартиру поднять. Не откажите в помощи...

Спустившись в сарай, инженер первым делом обратил внимание на стоявшие в углу клетки. Они, кажется, были там и раньше, но пустые. А сейчас в одной сидела курица, в другой — кролик. Что-то странное померещилось в них инженеру, что-то неправильное. Он озадаченно застыл посреди сарая, пытаясь понять, что же выглядит не так.

— Ну что же вы, голубчик? — нетерпеливо спросила Клотильда Георгиевна.

Диттель подхватил аппарат и понес его в дом. И только на лестнице, пытаясь под тяжестью «машинки», сообразил наконец, чем поразили его сидевшие в клетках зверушки: курица разевала клюв, словно пыталась укубить лежавшую перед ней морковку, а кролик старательно тыкался носом в лежавшее в его миске пшено.

Однако Диттель не успел ни обдумать увиденное, ни расспросить об этом Тихонову. Стоило им зайти в квартиру, как слух резанул торжествующий крик Адели:

— Вот они! Не иначе, опять награбленное тащат! Ворье! Говорю же вам, товарищи, это она у жениха моего часы наградные украла, больше никому! Год уже в квартире этой не живу, а мучаюсь — то ложка пропадет, то полфунта чая!

Кроме Адели, в прихожей находились Прогрессов, председатель жилтоварищества Тютякин и два милиционера. Со всех сторон на инженера смотрели осуждающие глаза.

— Бандитка, — продолжала обличать старуху Адель, — как есть бандитка! Весь дом знает, что она в Гражданскую белого офицера у себя прятала! Только офицерик-то, как за ним пришли, в окно сиганул, словно бешеный кот, и об мостовую насмерть разбился! Вот она теперь этого чистоплюя в свои делишки и втянула...

— Что же вы так, — с притворным сочувствием заметил Диттелю герой-любовник, победительно оглядывая его и старуху и выпячивая хилую грудь. — Гражданка Тихонова, понятное дело, закоренелый классовый враг, ее уже не перевоспитаешь, но вы-то... эх, молодой человек. Новое поколение, а поддерживаете старый режим.

— Ну как же, — неожиданно зло встрял в разговор председатель. — Он же у нас специалист. Им в партию вступать необязательно, им и так жилплощадь дают. А я как взглянул, сразу понял — чуждый элемент. Потому что поколение, товарищ потерпевший, дело пятое. На происхождение смотреть надо. А тут же за версту видно, что гражданин тоже из этих... из гимназистов. — Он сплюнул прямо на пол и повернулся к милиционерам. — Приступайте к обыску, товарищи.

— Это они из-за квартиры, — тихо сказал Диттель, глядя из окна кабинета Тихоновой во двор, где председатель Тютякин, разводя руками, объяснял что-то милиционерам.

— Да это и младенцу понятно, голубчик! — хмыкнула стоявшая рядом старуха, жадно втягивая через мундштук папиросный дым. — Непонятно другое: почему они ничего не нашли? Куда девались эти самые часы? Ведь не настолько же глуп мерзавец Прогрессов. Должен был понимать, что сначала надо подкинуть улики, а потом уж вопить: «Караул!»

За спиной громко мяукнул кот. Инженер и старуха обернулись. Кот стоял в дверях, как-то совсем не по-кошачьи прислонившись к косяку. Вид у него был надменный и словно бы даже насмешливый. Тихонова вдруг рассмеялась.

— Ах ты шельмец, — нежно пробасила она. — Прибрал, значит?! Ну и прохвост...

Кот фыркнул, сверкнул глазами, пересек комнату. Вспрыгнул на массивный письменный стол, на котором Диттель только что установил принесенный из сарая механизм, ударил по нему передней лапой и мяукнул еще раз — нетерпеливо и требовательно.

— Что это с ним? — спросил изумленный Диттель.

Старуха, продолжая загадочно улыбаться, пожалала плечами:

— Голодный, наверное. Молока просит.

Кот покосился на нее так выразительно, что инженер наконец решился:

— Клотильда Георгиевна, у вас от меня какие-то секреты?

— Ну что вы, голубчик, — замахала папиросой старуха. — С чего вы взяли?

— Вижу. — Диттель кивнул в сторону письменного стола. — Машина эта таинственная, сумасшедшая курица, которая ведет себя как кролик, ненормальный кролик с куриными повадками. Белогвардеец-самоубийца. Монографии, оккультизм, переселение душ... А главное — кот!

— При чем тут кот?! — вскинулась Тихонова.

— Пока не знаю, — серьезно ответил Диттель, — но, по-моему, очень даже при чем! Клотильда Георгиевна, не

поймите меня превратно — я уважаю чужие тайны и не стал бы настаивать, если бы не этот внезапный обыск. Но вы же видите — мы оба в опасности. По-моему, мы должны доверять и помогать друг другу. Иначе эти двое нас сожрут. Объясните же наконец, что это за механизм и как он к вам попал?

В прихожей хлопнула дверь — из квартиры кто-то вышел. Инженер и старуха снова посмотрели в окно. Тютякин стоял посреди двора, утирая лоб и глядя вслед уходящим милиционерам. Вскоре из парадного выбежала Адель и направилась прямо к нему.

— А Прогрессов-то из дома так и не уходил... — задумчиво проговорила Тихонова, наблюдая за девицей и председателем. — Значит, и сейчас в квартире сидит. Один... — Она вдруг резко, словно решившись на что-то, схватила кота со стола, повернулась к Диттелю. — Александр Карлович, вы правы, мне действительно нужна ваша помощь! Но, голубчик, у нас совершенно нет времени! Нужно действовать быстро, пока Адель не вернулась и они не придумали, как состряпать новый донос! Поэтому, если можете, просто поверьте и помогите без всяких объяснений!

На короткий миг Диттель засомневался было, но старуха и кот смотрели на него так умоляюще...

— Хорошо. Что я должен сделать?

Никогда еще Диттель не соединял провода так быстро. Когда работа была закончена, он убедился, что Адель по-прежнему оживленно беседует во дворе с бывшим возлюбленным, и вышел в коридор, неся в руках телефонный аппарат и трубку от него. Перед тем как прикрыть дверь кабинета, Диттель обернулся и еще раз посмотрел на Тихонову. Старуха стояла возле непонятной машины, плотно прижимая другую телефонную трубку к макушке кота.

— Товарищ Прогрессов! — позвал инженер. — Вас к телефону!

В другом конце коридора открылась дверь, высунулась взлохмаченная чернявая голова.

— У вас есть телефон? — удивленно спросил Прогрессов. — Не знал.

— Он в апартаментах Клотильды Георгиевны.

— Непорядок. Телефон должен принадлежать всем. Ну, давайте же сюда, чего вы там стоите?

Диттель пожал плечами:

— Шнур короткий, не достает. Придется вам ко мне подойти. И трубочку к уху прижимайте поплотнее, плохо слышно...

Сознание потеряли оба — и кот, и человек. Первым пришел в себя человек, заботливо уложенный Диттелем на кушетку. Он открыл глаза, уперся взглядом в давно не беленый потолок, поднял вверх руку — и застыл, созерцая собственные растопыренные пальцы. Старуха поспешно сунула бесчувственного кота инженеру, нависла над лежащим, тревожно заглядывая ему в лицо. Узнавание вспыхнуло в его глазах:

— Ма... — начал было он, но Клотильда тут же запечатала ему рот ладонью.

— Молчи! Молчи, молчи, молчи! Господи воля твоя, неужели получилось?!

Ответа не последовало, так как в следующую секунду в кабинете покойного Дмитрия Тихонова начался форменный бедлам. Истошно заорал очнувшийся кот, взвыл от боли инженер, которому мохнатый паршивец впился в руки и когтями, и зубами, запричитала кинувшаяся на помощь Клотильда Георгиевна. Только лежавший на кушетке не принял участия в общей свалке — он осторожно встал, побалансировал немножко, обретая равновесие, и нетвердой

походкой отправился в комнату Адели. И вовремя — через несколько минут в замке входной двери загромыхали ключи.

Лишь только Пустоцветова вошла в квартиру, кот бросился ей навстречу с душераздирающим мявом. Бежать он пытался на задних лапах, но, разумеется, не удержался, упал, покатился по полу. Адель в изумлении попятилась — и тут из комнат вышел ее любовник и устроил дичайшую сцену ревности. После получасового скандала он от души пнул совсем ошалевшего кота и ушел, забрав свои вещи. Как потом выяснилось, навсегда. Диттель никаких объяснений от Клотильды Георгиевны так и не получил, однако на одной из отданных ему старухой монографий обнаружилась размашистая дарственная надпись: «Моему дорогому сыну

Вениамину Дмитриевичу Тихонову за блестящие успехи в учебе и усердие к наукам. Любящая мать К.Г. Тихонова».

Вскоре Диттель узнал от Клотильды Георгиевны, что Прогрессов каким-то образом устроился на ответственную должность в МОПР и взял ее к себе делопроизводителем. А еще через год Прогрессова послали за границу, и он добился, чтобы и Клотильда Георгиевна поехала с ним. В СССР они не вернулись, и что случилось с ними дальше, Диттель так никогда и не узнал. Он и сам вскоре уехал из Москвы — получил предложение возглавить новый завод в Зауралье.

Адель в конце концов все же вышла замуж за Тютякина. Кот жил у них до самой своей смерти.

